

ЧЕЛОВЕК

Иллюстрированный
научно-популярный журнал

Выходит 6 раз в год

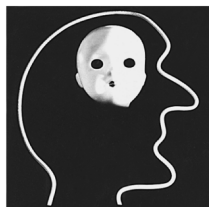
Журнал основан в 1990 году
академиком И.Т. Фроловым

№ 1 (январь — февраль)

Учредитель:
Российская академия наук,
Президиум

“Наука”

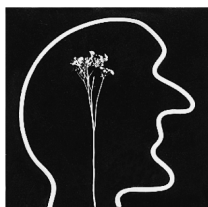

СОДЕР

Человекознание: история, теория, метод

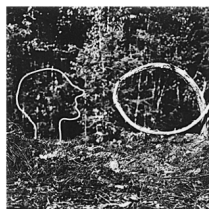
Гены забытых предков
Е.Я. Тетушкин 5

Эволюция: вектор и траектории. Статья 2. Женское
и неженское лицо мифоритуальной системы
А.А. Пелипенко 23

Перспективы гуманизма

Нарождающаяся идеология массового общества,
или Степун против Горького в защиту Достоевского
В.К. Кантор 37

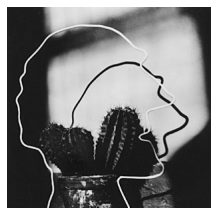

Откуда и куда

Исследования девичества. Ретроспективный анализ
Е.И. Булатова 45

Удовлетворение потребностей в стиле “минимализм”
О.О. Савельева 60

Русский путь. “Железнодорожный вопрос”
в общественной жизни (1820–1850-е годы)
Н.О. Шашкова 74

Университет человека

Эргономика в СССР
Г.Б. Степанова 94

Личность и власть

Альберт Эйнштейн, невозращенец
Е.М. Беркович 104

Всех знаемых и незнаемых
З.В. Островская 119

ЖАНИЕ

Философская антропология

- 131** Николай Бердяев и Василий Розанов: два опыта философской автобиографии
С.М. Климова

Гуманитарная экспертиза

- 138** Интимные технологии и кризис социальности
О.В. Попова
- 153** До рождения: на границе человеческого
Т.О. Новикова

Судьба

- 163** П. Чаадаев: социальный критик, философ, резонер?
Е.В. Мареева

Быть или может быть?

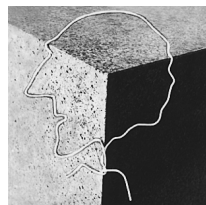
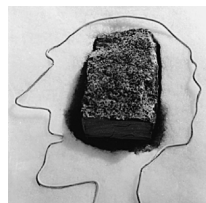
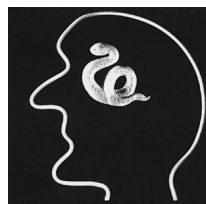
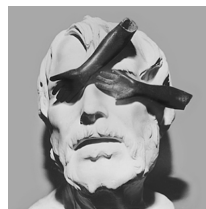
- 174** Играющий с болезнью
Д.А. Изуткин, Н.Е. Смирнова

44 Новые книги

- 184** Аннотации и ключевые слова публикуемых статей

- 190** Содержание на английском языке

- 192** К сведению авторов

Журнал издается под руководством Президиума РАН

Редакционный совет:

<i>академик</i>	Велихов Е.П.
<i>академик</i>	Иванов В.В.
<i>академик РАО</i>	Лиханов А.А.
<i>академик</i>	Янин В.Л.

Редакционная коллегия:

<i>член-корреспондент РАН</i>	Юдин Б.Г., главный редактор
<i>кандидат психологических наук</i>	Авдеева Н.Н.
<i>доктор философских наук</i>	Артемьева Т.В.
<i>доктор философских наук</i>	Борзенков В.Г.
	Воробьев С.Л.
<i>академик</i>	Гусейнов А.А.
<i>доктор философских наук</i>	Диев В.С.
<i>доктор исторических наук</i>	Дробижева Л.М.
<i>доктор психологических наук</i>	Знаков В.В.
<i>кандидат философских наук</i>	Мануильский М.А., зам. гл. редактора
	Островская Г.В., отв. секретарь
<i>академик</i>	Петров Р.В.
	Резниченко Л.А.
<i>академик РАО</i>	Рубцов В.В.
<i>академик</i>	Степин В.С.
<i>академик</i>	Тишков В.А.
<i>доктор физико-математических наук</i>	Тропп Э.А.
<i>академик</i>	Челышев Е.П.

Над номером работали:

	Буторина В.В.
	Малков С.М.
	Марабанец С.М.
	Махиянова Е.Б.
	Мышко Т.Л.
<i>зав. отделом оформления</i>	Юрчевская Г.Н.
<i>техническое редактирование и верстка</i>	Нефедова Г.О.

НАРОЖДАЮЩАЯСЯ ИДЕОЛОГИЯ МАССОВОГО ОБЩЕСТВА, ИЛИ СТЕПУН ПРОТИВ ГОРЬКОГО В ЗАЩИТУ ДОСТОЕВСКОГО

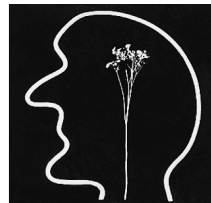
© 2017

В.К. Кантор

Когда говорят об оценке Степуном творчества Достоевского, то обращаются прежде всего к двум его последним статьям («“Бесы” и большевистская революция», 1957; “Миросозерцание Достоевского”, 1962), либо к рассуждениям в его мемуарах. Между тем первый текст Степуна о Достоевском («О “Бесах” Достоевского и письмах Максима Горького», 1913) вышел в удивительное, я бы сказал, *ключевое время* (накануне войны, когда Достоевский был прочитан заново, на фоне надвигавшейся мировой катастрофы), когда вдруг стало понятно, что именно этот русский писатель, более чем любой другой, связан с сущностью и судьбой России. Когда вдруг осознали специфику его таланта, его творчество было выведено из контекста реалистического бытового романа и поставлено в ряд древнегреческих трагедий, трагедий шекспировской эпохи.

Трагедия — это сложность бытия, где отсутствуют простые решения. Такое понимание Достоевского, как стоящего в ряду мировых трагиков, показал спектакль по “Бесам” в МХТ (“Николай Ставрогин”, инсценировка В.И. Немировича-Данченко). По следам постановки было написано несколько выдающихся текстов русских мыслителей — от статьи Бердяева “Николай Ставрогин” до статьи С. Булгакова “Русская трагедия” (1914), в которой последний не только дал анализ трагического принципа творчества великого писателя, но и поставил его в ряд великих христианских пророков, пришедших рассказать своему народу о его бедах и преступлениях¹.

Но эту трагическую сложность увидел еще раньше Вяч. Иванов, до того как он проанализировал спектакль: “Он жив среди нас, потому что от него или через него все, чем мы живем, — и наш свет, и наше подполье. Он великий зачинатель и предо-

**ПЕРСПЕКТИВЫ
ГУМАНИЗМА**

**Кантор
Владимир
Карлович** —
доктор философ-
ских наук, ординар-
ный профессор
Школы философии
Научного исследо-
вательского универ-
ситета — Высшая
школа экономики
(НИУ—ВШЭ), член
редколлегии журна-
ла “Вопросы фило-
софии”. Постоян-
ный автор журнала.
E-mail:
vfkantor@mail.ru

Статья подготовлена
при финансовой
поддержке РФГФ
(грант
№ 15-03-00581).

¹ См. об этом также
[5].

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА

пределитель нашей культурной сложности. До него все в русской жизни, в русской мысли было просто. Он сделал сложными нашу душу, нашу веру, наше искусство. <...> До него личность у нас чувствовала себя в укладе жизни и в ее быте или в противоречии с этим укладом и бытом, будь то единичный спор и поединок, как у Алеко и Печориных, или бунт скопом и выступление целой фаланги, как у наших поборников общественной правды и гражданской свободы” [3].

Именно с точки зрения натуральной, бытовой школы подошел к Достоевскому Горький, заметив, что с гнусностью российской жизни надо было бороться. Но борьба была для него проста: на одной стороне добро, на другой — зло. У Достоевского все оказалось слишком запутанно. “Неоспоримо и несомненно: Достоевский — гений, но это злой гений наш. Он изумительно глубоко почувствовал, понял и с наслаждением изобразил две болезни, воспитанные в русском человеке его уродливой историей, тяжелой и обидной жизнью: садическую жестокость во всем разочарованного нигилиста и — противоположность ее — мазохизм существа забитого, запуганного, способного наслаждаться своим страданием, не без злорадства, однако, рисуясь им пред всеми и пред самим собою. <...> Это — несомненно русская душа, бесформенная и пестрая, одновременно трусливая и дерзкая, а прежде всего — болезненно злая: душа Ивана Грозного, Салтычихи, помещика, который травил детей собаками, мужика, избивающего на смерть беременную жену, душа того мещанина, который изнасиловал свою невесту и тут же отдал ее насиловать толпе хулиганов.

Очень искаженная душа, и любоваться в ней — нечем” [2].

Он видит и читает трагедию как рассказ об укладе жизни, не замечая, не чувствуя, что перед ним метафизика, а не быт.

Степун выступил против Горького не только как философ, но и как социолог, прошедший школу Зиммеля: «На всех лекциях и прениях “большая публика” была вполне определенно на стороне заступников Горького и резко протестовала против попыток защиты Достоевского.

Это принципиальное расхождение русской публицистики, почти единодушно осудившей Горького, и сочувствия Горькому со стороны “большой публики” представляет собою, на мой взгляд, явление крайне характерное.

Оно определенно свидетельствует о том, что тесная связь публициста и его публики, которая господствовала во времена Писарева, Чернышевского, Добролюбова и Михайловского, придавая языку этих писателей ритм и напряженность, их темпераменту подчас блеск и повелительность, — ныне порвана» [9, с. 837].

Степун фиксирует весьма важный момент — наступающую победу рождающегося массового общества. Горький оказался

выразителем господствующего мнения, точнее, мнения, которое готово стать господствующим, мнения той части общества, где формировался тип массового сознания, не желавшего видеть катастрофы и изъяны бытия. Очень небольшая часть культурного слоя отнеслась со всей серьезностью к пророческому предупреждению Достоевского, увидев в написанной им трагедии возможность поворота мира в сторону катастрофы. Большинство же сочли это надругательством над русским человеком (почему трагедии Софокла или Эврипида не счесть клеветой на античный мир?). В России произошло важное открытие. Обыватель не всегда за существующий режим, но он всегда за господствующее мнение. А это мнение может быть радикальным — большевистским или национал-социалистическим. Именно обыватель — поддержка врагов режима. Масса, толпа дает силу радикальным движениям, ибо трагическое восприятие жизни ей не свойственно. Оно всегда против и всегда за победу.

Мнение обывателя-радикала включает в себя как непремное условие неприятия существующего режима. Во главе этих радикальных обывателей находится тот слой интеллигенции, который продолжает еще жить в групповом сознании (инварианте стадного сознания). Далее это мнение вынужденно поддерживает строй пришедших к власти тиранов, как произошло с Горьким. Это серьезная проблема, ибо групповое мышление, групповой модус поведения (еще не стадный, но уже в его пределах) сочетается с нравственным подвижничеством. Такими ли были христиане? Думаю, что нет. Поскольку они не должны были мечтать о власти в мире сем, как и учил их Христос. Ибо Его царство было не от мира сего.

Собственно об этом писал в те годы Евг. Трубецкой: «С этой особенностью связана и наша сила и слабость, все то, что есть в нашем национальном характере благородного и отвратительного. Здесь — залог высокого подъема духа, великих подвигов и творчества; но здесь же таится возможность крайнего падения. Извращение лучшего из человеческих качеств становится источником худшего из зол. Сбившееся с пути религиозное искание обращается на недостойные предметы и создает себе идолов. А идолы обыкновенно бывают ревнивы, завистливы, бесчеловечны и кровожадны.

Русская действительность полна печальными тому доказательствами. Русский интеллигент жить не может без идолов и делает их изо всего на свете: из народа, из партии, из формулы, из учения, в котором он видит “последнее слово науки”. И все человеческое забывается и утрачивается в этом идолослужении. Это — то самое, что создает преступную атмосферу. Становясь предметом исключительного почитания, идол вместе с тем становится единственным критерием нравственных обязанностей. От всяких других он освобождает своих поклонников: одни считают все дозволенным в интересах народа,

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА

другие — в интересах единой спасающей партии, третьи — ради торжества единственно непогрешимого догмата. Этот догматизм — смерть духовной жизни, ибо он усыпляет разум и освобождает от труда искания. Кто мнит себя в обладании безусловной правдой, тот уже не ищет, не подвергает критике своих догматов, а навязывает их другим, насилуя и принуждая к молчанию несогласных. С верою в собственную непогрешимость связывается крайнее самодовольство, самомнение и деспотизм, опьянение и бред величия, свойственный “монополистам” истины» [10].

Самое печальное было то (началось это в России), что лидерами нового массового общества оказались интеллектуалы, точнее, русская интеллигенция, которая разошлась с русской философской мыслью. Если раньше Чернышевский, Соловьев, Достоевский, Кавелин и др. отнюдь не радикальные мыслители казались интеллигенции учителями жизни, то теперь (и это фиксирует Степун) духовный уровень массы настолько понизился, что она стала искать истины не в серьезных текстах, а в массовых брошюрах, где часть истины выдавалась за истину целую (этой тенденции боялся Вл. Соловьев). Но это было неизбежно, когда на арену истории выступил духовно неподготовленный слой людей, строго говоря, даже не прошедший и не усвоивший по-настоящему христианского учения. Философов подменили газетчики. Степун писал: «Горькому мало дела до того, что ряд литераторов и публицистов не согласен с ним. Ему, несомненно, важнее, что широкая масса русской интеллигенции скорее за него, чем за Художественный Театр. А что она за него, в этом сомневаться едва ли приходится. Ибо, если она (эта широкая масса) уже в Москве, усиленно посещающая Художественный Театр в дни представления “Бесов” и потому прекрасно знающая, что, инсценируя роман Достоевского, театр изъят из него решительно все политически-шокирующее и неприемлемое (если о таком вообще можно говорить), вполне определенно поддерживала на всех лекциях и диспутах сторонников Горького и противников постановки, то можно с уверенностью сказать, что в провинции положение защитников Достоевского оказалось бы еще много труднее» [9].

Философская метафизика, как некогда христианское учение, стала достоянием немногих избранных. Уже в середине XX века много думавший над судьбой Достоевского француз Альбер Камю отмечал: “Великие романисты — это романисты-философы, то есть противоположность сочинителям тенденциозных повествований, иллюстрирующих какую-нибудь идею. Таковы среди многих других Бальзак, Сад, Мелвилл, Стендаль, Достоевский, Пруст, Мальро, Кафка. <...> Все они рассматривают произведение одновременно и как конец, и как начало. Оно является завершением зачастую не высказанной прямо философии, ее зримым подтверждением и увенчанием.

Но оно состоялось лишь благодаря этой подразумеваемой философии” [4]. Горький как раз был из типа писателей, иллюстрирующих какую-то идею, чужую идею, которую он усвоил, а не выработал.

Это заметили современники Горького, даже не из самых сильных писателей. Автор популярного тогда романа “Санин” М.П. Арцыбашев поставил точный диагноз: «Когда началось то, что называют “концом Горького”, когда большой и свободный художник подчинил свое творчество служению партийным целям, многие думали, что это временное, и надеялись на скорое возрождение писателя. Я не верил этому, я знал, что искусство — это любовница, которая никогда не прощает и мстит за себя... Искусство, которому он изменил, ушло от него, между ними порвалась живая связь, и как следствие этого разрыва явилась какая-то странная духовная слепота некогда яркого и большого художника. <...> Надев шоры известных политических убеждений, он не видит и не хочет видеть ничего вне той прямой линии, которую начертала для него программа и тактика его партии. Все, что не входит в узкие рамки этих предназначений, ему представляется не только ненужным, но и просто вредным. Как все узкопартийные люди, он признает лозунг: кто не с нами, тот против нас. А так как не с нами и, следовательно, против нас оказывается слишком многое и это многое слишком разнообразно, то, чтобы быть логичным до конца, ему не остается ничего другого, как все оказавшееся за чертой свалить в одну кучу. Поэтому-то он смешивает великого боготворца Достоевского с бульварным садистом Мирбо, гениальных “Бесов” с желтым пасквилем забытого Ключникова, вопросы патологии с вопросами психологии. Иначе нельзя: ему нужно доказать, что все, что не с ним, — вредно, что все, в чем нет “маленькой пользы” служения политическому моменту — равно ненужно и равно безнравственно. <...> А если так, то не протест против постановки — призыв к уничтожению книги, вот логический конец для человека последовательной и смелой мысли» [1].

Горького поддержал Ленин, новый идеолог наступавшей на Россию бесовщины и создатель первой в Европе тоталитарной системы: «Вчера прочитал <...> Ваш ответ на “вой” за Достоевского и готов был радоваться» [6]. А большевистский публицист М. Ольминский в том же году писал: “На вопросе о Достоевском столкнулись два мира. Пролетарский мир, в лице М. Горького, выступил против соглашения с реакцией, против антисемитизма, против неблагодетельства человеческой души. А против него — другой мир, готовый обниматься и с реакцией и с антисемитизмом, готовый продать свое благородство души первому, кто пожелает выступить покупателем. На этом примере рабочие должны учиться понимать те неблагодетельные вождения, которые обычно кроются под пышными фразами о святости искусства и чистом искусстве” [8].

Русские религиозные мыслители горьковской инвективы против Достоевского не приняли, противопоставив его публицистическому прочтению философское понимание романа. Заслуга Степуна в том, что он попытался не просто отказаться, отмахнуться от пролетарского невежды, но захотел увидеть и понять, какие тенденции выражает Максим (характерное имя-псевдоним — *Максим* — то есть величайший) Горький (характерна и подлинная фамилия — *Пешков*, то есть мельчайшая фигура в шахматах). Он усиленно делал себя первым, Ферзем, Королем. Но для этого надо быть выразителем какой-то силы. Силу эту он нашел в большевизме. Степун ясно увидел, что Горький не сам по себе: «Ни минуты не желая говорить “гаденьких слов” о творимой им “цензуре”, все же приходится определенно заявить, что в его сознании понятия религии и реакции являются столь же тесно сращенными друг с другом, как и в сознании любого черносотенца. Понятия же прогресса и атеистического отрицания для него так же интимно связаны, как они были связаны в наивном мышлении 60-х годов.

Вся психологическая, и прежде всего социально-психологическая, значительность письма Максима Горького только тем и объясняется, только в том и заключается, что высказанное им суждение, с одной стороны, питается глубоким историческим заблуждением, с другой, само питает его.

С этой точки зрения, малосильный по существу, протест Горького заслуживает большого внимания и серьезного опровержения» [9, с. 836].

Горький назвал Достоевского злым гением, погубителем России. При этом за Горьким плебс, отказавшийся от религии, а это уже сила. Опровержение Степуна в контексте позиции атеиста Горького казалось тогда несколько наивным: “Злой гений — он всюду и всегда проповедник безбожья, ступающий по праху и сеющий смерть. <...> Злой гений прежде всего проповедник безбожья; Достоевский же всю свою деятельность, весь свой огромный талант отдал проповеди религиозной жизни и живого Бога. Сила его религиозной веры была так велика, что понятия *безбожной* жизни, жизни вне Бога он бы решительно не принял и не понял. Вне Бога для Достоевского вообще немислима никакая жизнь и никакое бытие” [там же, с. 839].

История показала, что позиция Горького и Ленина вела к каннибализму, ибо видели они жизнь очень упрощенно, без высших смыслов, без творчества, которое насквозь метафизично в высших своих проявлениях. Степун же остается верен идее трагизма человеческой жизни, видя в “Бесах” именно трагедию, отвергая горьковскую бытовую оценку творчества великого писателя: “То, что большинство типов Достоевского психологически не совсем нормально, что они определенно наделены нервными недугами: истерией, эпи-

лепсией, летаргическим сном и т.д., — верно. Но *клиническая* нормальность и ненормальность решительно не имеют никакого отношения к художественной нормативности творчества” [там же, с. 847].

Как показал Мережковский, вопрос о человеке, о человечестве связан для Достоевского с вопросом о Богочеловеке, о Богочеловечестве: “Горький эту связь разрывает, и самый вопрос падает, становится бессмысленным. Человек — Бог или зверь, — говорит Достоевский. Горький не слышит первого, и остается второе: человек — зверь” [7].

Зверь не знает трагедии, человеческой трагедии, где, по слову Достоевского, дьявол с Богом борется, а поле битвы сердца людей. И герои Достоевского не только не звери, а люди, думающие о высших проблемах бытия, живущие ими. Так что вывод Степуна не случаен: “Трагиком Достоевский является прежде всего потому, что все его творчество насквозь метафизично. Катастрофичность его романов никогда не порождается эмпирическими столкновениями психологических мотивов и желаний, но всегда метафизической антиномией человеческих судеб и воль” [9, с. 847].

При этом поразительно, как одномерному уму пролетарского писателя кажется, что постановка романа Достоевского в одном отдельно взятом театре может изменить течение общественной жизни. И он пишет письма, стараясь убедить в этом публику. Подобные письма мы в журнале “Вопросы философии” получали в советское время, где психически больные советские люди, в сущности последователи Горького, в какой-нибудь публикации видели удар по системе социализма и требовали разобраться с автором. Действительно, увидеть в одной постановке одного театра — угрозу всей русской культуре, более того — России, — это очевидное безумие, которое охватывает восставшие массы, вдруг одержимо кидающиеся на кого-то одного, непохожего на каждого из них.

* * *

Степун не раз возвращался к Достоевскому, но специально написанные им две последние статьи о творчестве писателя вновь посвящены “Бесам”. Надо было пережить две революции, два тоталитарных режима, прожить несколько десятилетий в Дрездене, “Флоренции на Эльбе” (Гердер), чтобы окончательно убедиться в правоте русского Данте, написавшего в этом городе свою самую трагическую книгу, изобразившего русский ад, который был лишь входом в ад общеевропейский. Надо было через все это пройти, чтобы сказать окончательно, ясно и точно: трагедия точнее прочего раскрывает сущность мира, а толпа лишь служит средством для утверждения демонического на Земле. Впрочем, это соотношение толпы, живу-

шей повседневностью, а также подчиненного партийному порядку писателя, и гения, одиноко и трагически переживающего суть мира, еще не столь отчетливо, Степун увидел уже в первой своей статье о “Бесах”.

Литература

1. *Арыцбашев М.П.* Максим Горький // Рампа и жизнь. 1913. № 39. 29 сентября. С. 10–11.
2. *Горький М.* О “карамазовщине” (URL: http://dugward.ru/library/dostoevskiy/gorkiy_o_karamazovchine.html)
3. *Иванов Вяч.* Достоевский и роман-трагедия // *Иванов Вяч.* Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 283.
4. *Камю А.* Миф о Сизифе. Абсурдное творчество // *Камю А.* Посторонний. Миф о Сизифе. Недоразумение. М.: АСТ, 2007. С. 215–216.
5. *Кантор В.К.* Карнавал и бесовщина // Вопр. философии. 1997. № 5. С. 44–57.
6. *Ленин В.И.* П.С.С. Изд. 5-е. Т. 48. С. 226.
7. *Мережковский Д.С.* Горький и Достоевский // *Мережковский Д.С.* Акрополь: Избр. лит.-критич. статьи. М.: Книжная палата, 1991. С. 38.
8. *Ольминский М.* По литературным вопросам. М.; Л., 1932. С. 25–26.
9. *Степун Ф.А.* О “Бесах” Достоевского и письмах Максима Горького // *Степун Ф.А.* Соч. М.: РОССПЭН, 2000. С. 837.
10. *Трубецкой Евг.* Два зверя // *Трубецкой Евг.* Смысл жизни. М.: Республика, 1994. С. 318.

НОВЫЕ КНИГИ

- Айссель С.* Современная психоантропология. Основы учения / Пер. с фр. М.: Свет, 2015. 160 с.
- Антоновский А.Ю.* Коммуникативная философия знания: От теории коммуникативных медиа к социальной философии науки. М.: Ин-т философии РАН, 2015. 168 с.
- Бабаи А.А., Кийа Г.А., Рухани Р.М.* Методология толкования Корана / Пер. с араб. М.: Сандра, 2016. 700 с.
- Бертон Р.* Разум VS Мозг. Разговор на разных языках / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2016. 304 с.
- Бичев Г.Н.* Сборник статей “Рациональная система мировоззрения — основа современных идеологий”. М.: ИМ Лапченко А.Б., 2015. 104 с.
- Булюбаиш И.Д., Пугач Н.В.* Руководство по обучению гештальт-терапевтов. Самара: Бахрах-М, 2016. 416 с.
- Веряскина В.П.* Трансформация человека в обществе модерна. М.: Ин-т философии РАН, 2015. 223 с.
- Ветошкин А.П., Некрасов С.И., Некрасова Н.А.* Философия: Учебник для студентов вузов. М.: Проспект, 2016. 560 с.

с. 59

Аннотации и ключевые слова публикуемых статей

Тетушкин Е.Я. Гены забытых предков

Анализируется роль генеалогии и генетики в формировании личностных идентичностей. Рассматриваются концепции генеалогической идентичности и генетической идентичности. Обсуждается проблема соответствия между генетикой и генеалогией индивидов. Большое внимание уделяется философским аспектам генетической генеалогии – прикладной дисциплины, изменившей представления о личностной идентичности. Затронута тема трансформации идентичностей под воздействием социальных преобразований. Описаны способы конструирования генеалогических нарративов.

Ключевые слова: личностная идентичность, генетическая генеалогия, генеалогическая идентичность, генетическая идентичность, генетический эссенциализм, геномная идентичность, ризома, генеалогические нарративы.

Tetushkin E.Ya. Genes of Forgotten Ancestors

The article presents an analysis of the role of genealogy and genetics in personal identity formation. The concepts of a genealogical identity and genetic identity are considered. The problem of correspondence between individuals' genetics and genealogy is discussed. Much attention is paid to the philosophical aspects of genetic genealogy that is an applied discipline that has changed all the understanding of personal identity. The transformation of identities under the influence of social change is touched upon. The methods of constructing genealogical narratives are described.

Key words: personal identity, genetic genealogy, genetic essentialism, genomic identity, rhizome, genealogical narratives.

Пелипенко А.А. Эволюция: вектор и траектории. Статья 2. Женское и неженское лицо мифоритуальной системы

Изложенные в предыдущей статье утверждения о движущих силах и направлении эволюции рассматриваются на конкретном примере одного из важнейших событий исторической эволюции человечества — распада верхнепалеолитического культурного синкрезиса. Утверждается, что движущей силой этого распада послужила гендерная проблема, вызванная “расколом” первобытного коллектива по половому признаку. Показано, как специфическая для человека морфофизиологическая проблема полов превратилась в гендерную проблему культуры: “женский” неолит строится вокруг идеи *фертильности*, а “мужской” — вокруг идеи *экспансии*.

Ключевые слова: неолит, синкрезис, мифоритуальная система, гендерная проблема

Pelipenko A.A. Evolution: vector and trajectories. 2. Unwomanly and womanly face of mythological-ritual system

The ideas on drivers of the evolution and its direction are illustrated by a specific example of the upper Paleolithic cultural syncretism breakdown. It is alleged that the breakdown was powered by a gender issue provoked by a gender-based split of the primeval collective. It is shown how a human-specific morphological-physiological problem of sexes' relation transformed into gender issue of Culture: the "famine" neolith was organized around the idea of fertility while the masculine one – around the idea of expansion.

Key words: neolith, syncretism mythological-ritual system, gender issue

Кантор В.К. Нарождающаяся идеология массового общества, или Степун против Горького в защиту Достоевского

Рассматривается одна из интереснейших полемика в предреволюционную эпоху в России, а именно полемика Степуна с Горьким по поводу Достоевского. Степун писал, что Горький не увидел в творчестве Достоевского метафизики трагедии. Автор показывает, что Горький выразил миропонимание нарождавшегося массового общества, не желавшего видеть трагедийность жизни, а потому разделявшего позицию тех, кто выразил властное начало — большевиков, нацистов. Интересно, что Горького поддержал Ленин и большевистские публицисты.

Ключевые слова: Достоевский, Степун, Горький, Ленин, трагедия, массовое общество, большевизм.

Kantor V.K. The nascent mass society ideology: Stepun vs Gorky in defense of Dostoyevsky

One of the most interesting debates in pre-revolution Russia is considered, that is the debate between F. Stepun and M. Gorky about F. Dostoyevsky. According to Stepun, it's the metaphysics of tragedy that Gorky failed to discern in the works by Dostoyevsky. It is shown that Gorky did reflect the attitude of the nascent mass society that did not want to see the tragic aspect of life and so aligned themselves with those who represented authoritarian principle, such as Bolsheviks and Nazi. It's indicative that Gorky was backed by Lenin and other bolshevist publicists.

Key words: Dostoyevsky, Stepun, Gorky, Lenin tragedy mass society Bolshevism.

Булатова Е.И. Исследования девичества

В статье оценивается современное состояние отечественных исследований субкультуры девичества, а также рассматриваются этапы формирования в англоязычной литературе междисциплинарного поля девичьих исследований сквозь призму трансформации основных концепций и теоретических подходов к изучению девичьей культуры ("культура спальни", "девичий бунт", "девичья власть" и постфеминистское прочтение женственности).

Ключевые слова: девичество, исследования девичества, "культура спальни", постфеминизм, "девичий бунт", "девичья власть", девичья культура, девичья субкультура.

Bulatova E.I. Girlhood Studies

The paper deals with the stages of Girlhood Studies development, that are seen through the prism of the transformation of the main concepts and approaches to girls' culture research ("bedroom culture", "girl riot", "girl power" and postfeminist vision of femininity).

Key words: girlhood, girlhood studies, "bedroom culture", post-feminism, "girl riot", girl culture, girl subculture, "girl power".

Савельева О.О. Удовлетворение потребностей в стиле “минимализм”

В статье представлена ретроспектива появления и развития минимализма как ответа на усложнение социальной жизни и вещной среды в начале 1960-х годов на Западе и в СССР. Минимализм оказался востребованным в СССР в условиях недостаточного потребительского обеспечения, оставил свой след в архитектуре и живописи.

Ключевые слова: минимализм, Запад, потребление, фестиваль молодежи и студентов, градостроительство.

Savelyeva O.O. Minimalism approach to meeting the needs

A retrospective of emergence and development of minimalism is presented. It is considered to be a response to sophistication of social life and material environment in early 60-ies in the West and in the USSR. In the latter minimalism became demanded against the background of insufficient meeting of demand and it has made its mark on the architecture and painting.

Key words: Minimalism, the West, consuming, Festival of Youth and Students, city planning.

Шашкова О.Н. Русский путь. “Железнодорожный вопрос” в общественной жизни (1820–1850-е годы)

Статья посвящена раннему этапу становления железнодорожного транспорта в России (1820–1850-е годы). Изложены основные этапы профессиональной и общественной дискуссии о внедрении железных дорог.

Рассмотрен ход согласования и утверждения строительства первых в России железнодорожных линий и нереализованные железнодорожные проекты указанного периода. Проанализирована позиция ключевых деятелей эпохи в области государственного управления, экономики и культуры. Оценены некоторые важные социальные аспекты “железнодорожного” проекта.

Ключевые слова: общественный прогресс, история железнодорожного транспорта, железнодорожная политика, пути сообщения.

Shashkova O.N. The Russian road: “Railways question” in the public life (1820–1850-ies)

The article is devoted to the early stage of formation of the railway transport in Russia (1820–1850-ies). The basic stages of professional and public debate about the introduction of the railroads are stated. The progress and approval of both construction of the Russia’s first rail lines and railway projects unrealized during the specified period are considered. The position of the key figures of the era in public administration, economy and culture are analysed. Some important social aspects of the “railway” project are estimated.

Key words: social progress, the history of railway transport, railway policy, means of communication.

Степанова Г.Б. Эргономика в СССР: опыт междисциплинарных исследований

В работе анализируются с историко-методологических позиций концептуальные основания отечественной эргономики 1970–1980-х годов.

В центре внимания — представления и подходы, разработанные в те годы В.П. Зинченко, В.М. Муниповым, Э.Г. Юдиным для методологического и теоретического обоснования эргономики как научной и проектно-вочной дисциплины.

Ключевые слова: эргономика, системный подход, междисциплинарные исследования, человеческий фактор, трудовая деятельность.

Stepanova G.B. Ergonomics in the USSR: an attempt in the interdisciplinary research

Conceptual base of the Home ergonomics of the 1970–1980-ies are analyzed in the historical and methodological perspective. The deliberation is focused on the ideas and approaches that were developed by V.P. Zinchenko, V.M. Munipov, E.G. Yudin in order to provide theoretical and methodological substantiation of the ergonomics in its capacity of the scientific and design discipline.

Key words: ergonomics, system approach, labour.

Беркович Е. Альберт Эйнштейн, невозвращенец

Излагается история скитаний Эйнштейна после прихода к власти в Германии нацистов, поисков постоянного места жительства и работы, отношений с коллегами и нацистскими властями, идейных поисков ученого.

Ключевые слова: Эйнштейн, нацизм, Германия, Бельгия, СССР, США.

Berkovich E. Albert Einstein, the defector

The story of Einstein's wandering after Nazi coming to the power, his seek for a permanent place to live and work, his relationship with his colleagues and the Nazi authorities and his ideological swings are described.

Key words: Einstein, Nazism, Germany, Belgium, the USSR, the United States.

Островская З.В. Всех знаемых и незнаемых

Статья посвящена истории и настоящему Бутовского полигона, печально известному месту массовых расстрелов. Рассказывается о работе, проводимой настоятелем и общиной храма Новомучеников и Исповедников российских по созданию Мемориала памяти пострадавших в годы репрессий.

Ключевые слова: Бутовский полигон, история, репрессии, символы памяти.

Ostrovskaya Z.V. "All those known and unknown..."

The past and the present of Butovo ground, an infamous place of mass shootings is described as well as the work of the senior priest and the laity of New Martyrs and Confessors church on the creation of The Memorial of the victims of repression.

Key words: Butovo ground, history, repression, memory symbols

Климова С.М. Николай Бердяев и Василий Розанов: два опыта философской автобиографии

В статье рассмотрен опыт философской автобиографии на примере трилогии В. Розанова и "Самопознания" Н. Бердяева. Представлен особый способ самоописания философа через хронотоп неуместного и несвоевременного, резко отличающийся от событийного времени их бытовой биографии.

Ключевые слова: хронотоп несвоевременного и неуместного, философская автобиография, русская философия

Klimova S.M. Nikolay Berdyaev and Vasiliy Rozanov: two attempts in the philosophical autobiography

An experience of philosophical autobiography is considered through the example of V. Rozanov's trilogy and "Self-knowledge" by N. Berdyaev. A Chronotope of Inappropriate and Untimely is presented as a specific mode of analyze, radically different from the eventive time of their mundane biography.

Key words: Chronotop of Inappropriate and Untimely and Untimely, a philosophical autobiography, Russian philosophy

Попова О.В. Интимные технологии и кризис социальности

Исследуется феномен интимных технологий. Под интимностью подразумевается преодоление дистанции между технологиями и человеческим телом, в трансгрессивных формах обретающее эротически-сексуальную артикуляцию. Продемонстрированы различные формы сближения технологий и человеческого тела и формы их влияния на формат и нормы социальных взаимодействий. В статье также осуществлена попытка тематизации техновзгляда как особой реальности, порождающей множество социально-этических проблемных зон.

Ключевые слова: интимные технологии, техновзгляд, этика робототехники, конструирование человека.

Popova O.V. «Intimate» technologies and the crisis of socialness

This article examines the phenomenon of «intimate» technologies. Intimacy here means the overcoming of the distance between technologies and the human body; their convergence in transgressive forms finds its erotic-sexual articulation. Various forms of technologies and the human body convergence are discussed. It was shown how these technologies affect the scope and normative rules of social interactions. The article also presents an attempt of the matizing technological look as a special reality, generating a lot of ethical problem areas.

Keywords: intimate technologies, sensitive technologies, technological look, ethics of robotics, human design.

Новикова Т.О. До рождения: на границе человеческого

В статье рассматривается вопрос социокультурной рецепции и качественного осмысления внутриутробного существования. Возможно ли определение данного этапа как части собственно человеческой жизни или человек «начинается» с момента рождения, а это состояние до — есть лишь «невоплощенное “кто-то”, которое может пока существовать только в форме вопроса, а не ответа»? На основе рассмотрения различных моделей определения статуса эмбриона делается заключение о двух возможных векторах его восприятия: в контексте субъект-субъектных или субъект-объектных отношений.

Ключевые слова: эмбрион, внутриутробное существование, статус эмбриона, нерожденный ребенок, виртуальное рождение.

Novikova T.O. Unborn children: on the verge of the Human

The problem of socio-cultural reception and meaning of the unborn is discussed. Is it possible to determinate the unborn stage as a real life or does the human being start being at the point of birth and this preborn state is just the “disembodied “Who”, existing only in the form of question?”. The conclusion based on the analyses of different models of the embryo’s status is made concerning the vectors of reception of unborn, when it is viewed in the context of subject-to-subject or subject-to-object relations.

Keywords: embryo, being in utero, status of embryo, unborn, virtual birth.

Мареева Е.В. П. Чаадаев: социальный критик, философ, резонер?

Подвергнута критике “легенда” о Чаадаеве как основоположнике русской революционно-освободительной мысли. На основе анализа “Философических писем” и “Апологии сумасшедшего” показан переход в историко-философской концепции Чаадаева от умозрительного оксидентализма

к обоснованию преимуществ русской монархии. Проанализирован культурный феномен “чаадаевщины” как проявления на русской почве байронизма и дендизма.

Ключевые слова: Чаадаев, чаадаевщина, историософия, оксидентализм, русский дендизм, байронизм, индивидуализм.

Mareeva E.V. P. Chaadaev: social critique, philosopher, arguer?

The article presents a critique of the “legend” of Chaadaev being the founder of the Russian revolutionary-liberation thought. With the basis of the analysis of the “Philosophical Letters” and the “Apology of a Mad man” the author shows the transition in the historiosophical concept Chaadaev from notional occidentalism to backing Russian monarchy. The article provides the analysis of the cultural phenomenon of “chaadaevchshina” as the manifestation of Byronism and dandyism.

Keywords: Chaadaev, chaadaevism, historiosophy, occidentalism, russian dandyism, Byronism, individualism.

Изуткин Д.А., Смирнова Н.Е. Играющий с болезнью

Предпринимается попытка представить отношения человека и болезни как специфическую игру. Вся жизнь человека протекает в состоянии неосознанного ожидания “игры с болезнью”. Особенность ее состоит в том, что человек играет не с другим субъектом, а с собственным природным состоянием. Правила игры с болезнью вступившему в игру человеку неизвестны, и само вступление в нее носит вынужденный характер. Но, с другой стороны, болезнь предоставляет человеку ограниченную возможность выстроить свой дальнейший жизненный путь. Выделяется два взаимосвязанных сценария “игры с болезнью”: “игра-рулетка” и “игра-маскарад”.

Ключевые слова: болезнь, “игра с болезнью”, проект бытия, свобода выбора, свобода воли, “игра-рулетка”, “игра-маскарад”

Izutkin D.A., Smirnova N.E. Playing with the disease

The article attempts to present the relationship between the individual and his/her disease as a specific “game”. All the individual’s life is being lived in the unconscious anticipation of the “game” with the disease whose rules are not known to the individual. Though the game itself is of compulsory nature, a disease gives a person some limited freedom to construct his/her way of life. Two interrelated scenarios of the “game” with the disease are identified: “a game-roulette” and “a game-masquerade”.

Key words: disease, “game with the disease”, life project, freedom of choice, freedom of will, “a game-roulette”, “a game-masquerade”

Science of Man: Theory, History, Method

Genes of Forgotten Ancestors 5
E. Ya. Tetushkin

Evolution: vector and trajectories. 2. Unwomanly
and womanly face of mythological-ritual system 23
A.A. Pelipenko

Humanitarian Perspectives

The nascent mass society ideology:
Stepun vs Gorky in defense of Dostoyevsky 37
V.K. Kantor

Where from and Where to?

Girlhood Studies 45
E.I. Bulatova

Minimalism approach to meeting the needs 60
O.O. Savelyeva

The Russian road: "Railways question"
in the public life (1820–1850-ies) 74
N.O. Shashkova

University of Man

Ergonomics in the USSR: an attempt
in the interdisciplinary research 94
G.B. Stepanova

An Individual and the Power

Albert Einstein, the defector 104
E. Berkovich

TENTS

“All those known and unknown...”

119 *Z.V. Ostrovskaya*

Philosophical Anthropology

**Nikolay Berdyaev and Vasilii Rozanov:
two attempts in the philosophical
autobiography**

131 *S.M. Klimova*

Humanitarian Expert Review

**"Intimate" technologies and the crisis
of socialness**

138 *O.V. Popova*

Unborn children: on the verge of the Human

153 *T.O. Novikova*

The Fate

**P. Chaadaev: social critique, philosopher,
arguer?**

163 *E.V. Mareeva*

To be or may be

Playing with the disease

174 *D.A. Izutkin, N.E. Smirnova*

44 **The new books**

184 **Annotations and key words of published articles**

192 **To our authors. New rules of designing the articles**

На первой
странице обложки
фрагмент картины
“Барышня,
заплетая косу”
художника
В. Нагорного

На четвертой
странице — Храм
Новомучеников
и Исповедников
российских
на Бутовском
полигоне

К сведению авторов

Журнал “Человек” публикует статьи по комплексным междисциплинарным исследованиям человека, статьи в помощь преподавателям гуманитарных и общественных наук, обзоры и рецензии, а также информацию о научных конференциях в России и за рубежом.

Издание включено в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (по специальностям культурология, философские науки, социологические науки).

К рассмотрению не принимаются материалы, которые полностью или частично (более 20% текста) уже были опубликованы в другом издании.

Редакция принимает материалы объемом до 40 тыс. знаков (1 авт. л.) в одном экземпляре, напечатанном через два интервала на одной стороне листа формата А4, или в электронном виде в версии Word for Windows.

Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации; предоставить иллюстративный материал, если он необходим по тексту.

Обращаем Ваше внимание на то, что в перечень пристатейного сопровождения внесены изменения. К статье прилагаются: аннотация (200–250 слов); ключевые слова (не более десяти); справка об авторе (авторах), в которой указываются фамилия, имя, отчество, официальное название места работы (в том числе город, страна, почтовый адрес), должность, ученая степень, ученое звание, адрес электронной почты автора или учреждения, номера контактных телефонов. Перечисленные сведения представляются на **русском и английском** языках. К статье также прилагается фотография автора.

Оформление литературы. Используемые в тексте источники оформляются в качестве затекстового библиографического списка под заглавием “Литература” в алфавитном порядке. Сначала приводятся источники на русском языке, затем — на иностранных. Фамилия и инициалы автора набираются курсивом. В тексте статьи для связи с затекстовым списком используются отсылки в виде номера соответствующей затекстовой ссылки в квадратных скобках, с указанием при необходимости страницы [9, с. 12] или без нее, если источник цитируется единожды или все отсылки на источник содержат одну и ту же страницу [9] — в этих случаях страница приводится в соответствующей ссылке затекстового списка (*Петров И.Д.* Проблемы познания. М.: Наука, 2014. С. 20). Вторичное упоминание источника предполагает использование указания **там же/ibid.** со ссылкой в случае необходимости на страницу. В библиографической ссылке затекстового списка обязательно указание не только места издания, но и названия издательства. Библиографические ссылки оформляются согласно ГОСТу Р.7.05.–2008.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Издатель — Российская академия наук, издательство “Наука”
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90.

Адрес редакции: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90.
Тел.: 8 (495) 276-11-58 (доб.) 3351.
E-mail: humanus-1@naukaran.ru; www.chelovek21.ru

Сдано в набор 30.11.2016. Подписано к печати 02.02.2017.
Формат 70 × 100 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,48 + 0,64 вкл.
Усл. кр-отт. 3,64 тыс. Уч.-изд. л. 20,2.
Бум. л. 6,0 + 0,5 вкл. Тираж 227 экз. Заказ № 1052

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”» с готового оригинал-макета.
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6